

Она покраснела и рассмеялась: - Стив, ты ужасен! - по кругу прокатился смех других зрителей. Он потянул одну из моих губ наружу и крепко сжал её. Я застонала, испытывая смесь боли и постыдного удовольствия.

Я посмотрела на зажим на моей груди и увидела, что дисплей теперь показывал "4:35", и поняла, что он отсчитывает пять минут, за которые он заплатил. К 1:40 мой сосок и половая губа онемели, и молодая пара потеряла ко мне интерес и ушла, но все еще была большая толпа, наблюдавшая за моим дискомфортом, многие из них указывали на меня телефонами. Некоторые даже делали со мной селфи! На нуле зажим упал с моего соска, а вскоре после этого и с моей киски. Прилив крови обратно был еще более болезненным, чем первоначальное зажатие, и мне хотелось успокоить себя пальцами, но здесь я была беспомощна.

Охранник в униформе поднял зажимы и положил их в щель сбоку машины. - Кто следующий? - спросил он.

Мужчина средних лет взял свою карточку и сделал выбор. Ничего не вышло, и вместо этого он провел следующие три минуты, лаская мою грудь. Он был удивительно искусен, иногда нежно поглаживая и лаская, иногда ощупывая, щипая и дергая. К тому времени, когда отсчёт закончился, мои соски могли бы резать стекло, и я стонала, требуя большего. Клянусь, по моей ноге текла почти что река из киски.

Следующей была молодая женщина в черном готическом костюме с темно-фиолетовыми волосами. Она провела пять минут с пальцами внутри меня, как бык в посудной лавке. Пока она возилась, откровенно смущая себя больше, чем меня, я нашла время оглядеть Площадь Унижения. Это был прекрасный образец лондонской площади восемнадцатого века с роскошными таунхаусами вокруг. Центр, где первоначально должен был быть ухоженный сад, был преобразован в открытую площадь, на которой я в настоящее время выставлялась как экспонат. Было около дюжины других станций, таких же как та, в которой была я, в основном показывали женщин, но было несколько мужчин, с небольшими толпами, собравшимися вокруг каждого. Я лениво подумала, кому же хуже, мужчине или женщине, и решила, что женщине, если только у мужчины нет особенно маленького члена. Девушка-гот наконец закончила. Я надеялась, что она извлекла из этого опыта больше, чем я. Редко, когда моя киска становилась суше после того, как ее трогают пальцами, и хорошо, что мне заткнули рот, иначе я могла бы сказать что-то очень недоброе о ее технике дочки.

На другой стороне площади я увидела человека со свернутым красным зонтом, а за ним, как утята, следовала группа из дюжины туристов. Они шли по площади, пока не оказались передо мной. Проводник оглядел меня с ног до головы. - Она подойдет, - сказал он, в основном самому себе, - хорошая и красивая.

Он повернулся к группе и, обращаясь к электронному планшету, который держал в руках, сказал: - Эта молодая женщина была приговорена к шести часам за финансовые преступления, а затем она будет продана в рабство, чтобы компенсировать деньги, которые она украдала у трудолюбивых граждан, - из группы послышалось театральное улюлюканье. - В рамках тура у всех вас есть возможность присоединиться к ее Унижению.

В этот момент он сунул карточку в автомат и жестом указал на меня. - Пять минут — развлекайтесь!

Они все столпились вокруг меня, и в течение нескольких секунд руки были повсюду — сжимали мои сиськи, щипали мои соски, ощупывали мою задницу, дергая за пробку, и, конечно же, множество пальцев оказалось в моей киске. Они говорили обо мне так, словно я их не слышала.

- Такая мягкая!

- Такая сочная шлюха!

- Удивительно тесная для шлюхи.

- Жаль, что у нее зад закрыт.

- Не могли бы мы взять такую на вечер? Я спрошу у консьержа отеля.

Это было в высшей степени унижительно, когда с тобой обращались как с куском мяса для всеобщего удовольствия, но в то же время это невероятно возбуждало. Всякий раз, когда я пыталась сосредоточиться на том, что делает одна рука, например, ласкает мое горло, или дёргает сосок, или щекочет мочку уха, другое ощущение перекрывало его, как восхитительное сжатие моего клитора или твердый палец на моей точке g. Кто-то едва не выдернул из меня пробку, и я чуть не кончила.

Загудел таймер, и все они отступили за линию.

- У меня есть для вас еще один сюрприз, - сказал гид. - Помните билеты, которые я вам всем давал? - он постучал по экрану своего планшета, и большие цифры промелькнули мимо, затем замедлились, как колесо цифровой рулетки, наконец остановившись на цифре 17.

- Семнадцать! У кого семнадцать?

Взволнованная женщина лет шестидесяти протиснулась вперед, размахивая билетом.

- Поздравляю, Молли! - радостно воскликнул гид. - Ты удостоилась чести подарить ей шесть ударов!

С этими словами он повернул ручку зонта, вытащил длинную тонкую трость и протянул ее Молли. Она посмотрела мне в глаза и улыбнулась, перебирая пальцами трость, затем обошла меня сзади. Я никогда не слышала, чтобы палки были частью Унижения, и попыталась запротестовать сквозь кляп.

- Что? - спросил гид, насмешливо прижимаясь ко мне ухом. - О, Молли, она говорит, что ей очень нравится!

Собравшиеся громко расхохотались над моим затруднительным положением, но я взяла себя в руки.

Раздался громкий свист и "треск", и ужасное жжение по всему заду.

- Ааааа, - закричала я в кляп. Тургруппа зааплодировала.

Сквозь наворачивающиеся слезы я увидела, как другие люди вокруг замечают и подходят, чтобы насладиться зрелищем.

- Крэк!

Я снова закричала. Толпа росла, радуясь каждому удару. Моя задница была в огне.

С четвертым ударом я разрыдалась, потом она ударила пятый по верхней части моих бедер, и я закричала еще громче. Остался только один!

Но она остановилась и пошла вперед. Она протянула трость проводнику.

- Колин, - сказала она, - ты сегодня был для нас таким замечательным гидом, что я бы хотела, чтобы ты сделал последний удар, - раздались одобрительные аплодисменты, когда он улыбнулся и поблагодарил ее.

Он зашёл позади меня, и я напряглась — он был намного больше и сильнее ее, и это могло быть очень плохо. Он погладил мою ягодицу рукой, проводя пальцами по ярко-красным линиям.

- Может быть, - задумчиво произнес он, обходя меня. Он провел кончиком трости по внутренней стороне моего бедра и зажал ее между моих половых губ. - Может быть, здесь? - спросил он свою аудиторию. Я инстинктивно привстала на цыпочки, пытаюсь оторвать свои уязвимые губы от жестокой трости. Раздался общий смех, но несколько женщин поморщились, как это делают мужчины, когда приятеля бьют их по яйцам.

Он поднес трость к моей груди и принялся водить ею взад-вперед, умело ударяя по моим нежным соскам, как бы я ни извивалась. - Как насчет красивой красной линии поперек ее сисек? - и снова смех.

- Вот тебе хороший маленький трюк, - сказал он и положил трость мне на грудь, прямо на соски. Он прижал их к трости большими пальцами и начал медленно вращать трость вверх,

подтягивая мои соски вверх и крутя их вокруг. Я кричала и корчилась от боли, пытаюсь вырваться, но путы держали меня в его власти. Толпа разразилась хохотом.

Наконец он опустил её. - Кто хочет успокоить ее своим ртом? - поднялось множество рук, и он выбрал двух добровольцев, мужчину и женщину, которые, не теряя времени, сомкнули губы вокруг моих пульсирующих сосков, облизывая и посасывая их, пока боль немного не утихла. Однако пульсация в моей пизде значительно усилилась. Я закрыла глаза и стала купаться в этом чувстве, но он внезапно вернул меня к реальности, положив трость на мои ноющие ягодицы для последнего удара.

Его слушатели зааплодировали, когда проводник убрал жесткую трость обратно в укрытие зонта, затем он увел их, и я осталась одна, с неудовлетворенным покалыванием между ног.

Прошло несколько минут, и как не странно никто не стал приставать ко мне — я заметила, что на площади вокруг меня появилось еще несколько жертв, так что я больше не была сенсацией.

Вдалеке послышалось музыкальное позвякивание, и на крышке одного из торговых автоматов вспыхнула яркая лампочка. Возбужденный гул распространился по толпе, и люди бросились туда, быстро закрывая мне обзор. Интересно, какое новое унижение переживает эта девушка? Еще через несколько секунд раздался громкий рев ликования, но я не могла сказать почему. Такое случалось несколько раз в течение дня на разных станциях. Иногда его сопровождал гулкий голос из громкоговорителя, но я никак не могла разобрать, что он говорит.

Солнце стояло уже довольно высоко в небе, и я гадала, который час, но никак не могла узнать. На башне единственной церкви на площади не было часов, и я не могла ни у кого спросить.

Через площадь ко мне подкатил небольшой электрический фургон и припарковался прямо передо мной. Из машины вылез мужчина средних лет в хирургической форме со стетоскопом на шее. Он подошел ко мне вплотную и заглянул в глаза.

- Я здесь только для того, чтобы проверить тебя. Ты хорошо держишься?

Я покорно кивнула. Испытание было довольно ужасным, но, в конце концов, именно для этого я и была здесь, так что не было смысла жаловаться.

Он осветил ярким светом в каждый глаз, затем прижал свой стетоскоп к моей груди. Потом он зашёл за меня. Сначала я почувствовала, как он проверяет расположение моей затычки, затем (о блаженство!) он втер немного холодного крема в рубцы на моих ягодицах и бедрах. Я могла бы поцеловать его, когда он нежно втирал его!

Он снова встал передо мной и спросил: - Лучше? - я благодарно кивнула, пытаюсь выразить свою благодарность одними глазами.

<http://tl.rulate.ru/book/1561/48262>